

Е.А. Андрусенко

Кемеровский государственный университет

**Функции метатекста в художественном тексте
(на материале произведений В. Астафьева)**

Аннотация: В статье выявляются функции метатекста в пространстве художественного текста. Функционирование метатекстовых конструкций рассматривается на материале художественных произведений В. Астафьева.

The functions of metatext are exposed in space of the works of fiction in the article. The functioning of the constructions of metatext are examined on the material of works by Astafiev.

Ключевые слова: метатекст, метаязыковое сознание, художественный текст, функции метатекста.

Metatext, metalanguage consciousness, works of fiction, functions of metatext.

УДК: 81'373.

Контактная информация: Кемерово, ул. Красная, 6. КемГУ, факультет филологии и журналистики. Тел. (3842) 582745. E-mail: Helene29@rambler.ru.

Современная антропоцентрическая лингвистика характеризуется повышенным вниманием к изучению текста в целом и метатекстов как одной из форм текстовой организации. Актуальность изучения метатекстов обусловлена разным характером восприятия текста со стороны автора и читателя. Для автора абсолютно понятным в его тексте может быть то, что сложнее всего или вообще невозможно уяснить в нем читателю. Для читателя же очевидным будет то, что сопрягается с имеющимися у него знаниями, нечто хотя бы отчасти известное, позволяющее соотнести предполагаемое общее содержание текста со знакомым ему кругом представлений, идей, понятий.

Термин метатекст наполняется различными смыслами в зависимости от области исследования. В лингвистике выделяют узкое и широкое понимание метатекста. Основы широкого понимания метатекста были заложены А. Вежбицкой, которая называет метаконструкции «метаорганизаторами высказывания» и приписывает им такие функции, как организация композиции текста, связь компонентов текста, привлечение внимания [Вежбицкая, 1978]. Кроме А. Вежбицкой изучение метатекста в широком смысле и его функционирования можно найти в работах В.Г. Гака [Гак, 1994], Т.Н. Скатт [Скатт, 1990], А.Ю. Чернышевой [Чернышева, 1993].

А.Н. Ростова рассматривает метатекст в узком понимании: «Метатекст – это материализованное в высказывании суждение говорящего о своем языке, зафиксированное в графической, аудио- или видеозаписи» [Ростова, 2000, с. 55]. Такого же взгляда придерживаются М.В. Ляпон, Б.Ю. Норман и др. Следовательно, к метатекстам относят объяснение выбора того или иного слова. Метатекст при этом репрезентирует метаязыковое сознание говорящего, являющееся составной частью языкового сознания.

Цель работы: выявление функций метатекста в пространстве художественного текста. Функционирование метатекстовых конструкций рассматривается на

материале художественных произведений В. Астафьева. Материал исследования (художественные тексты) мотивирует выявление особенностей языкового и метаязыкового сознания писателя.

Под языковым сознанием мы понимаем многоуровневую структуру, которая обладает поверхностным уровнем под названием «метаязыковое сознание» и глубинным уровнем, регулирующим речемыслительную деятельность [Ростова, 2000]. Метаязыковое сознание выражается в суждениях о языке, глубинный уровень языкового сознания содержит лексические единицы, их значения, правила сочетаемости и употребления.

В связи с этим представляется интересным исследование особенностей языкового и метаязыкового сознания писателя, как языковой личности, глубоко и творчески владеющей языком. О сложности языкового сознания писателя говорит Н.Ф. Алефиренко: «Во-первых, это вербальное средство формирования, хранения и переработки информации, получаемой поэтом извне. Во-вторых, это структура, кодирующая полученную информацию языковыми знаками... Все это выражает отношение автора... текста к действительности, своеобразие его мировосприятия и эстетические установки на речевое творчество» [Алефиренко, 2007, с. 223]. Так как художественный текст изначально предполагает диалогическую направленность, общение автор – читатель, то становится совершенно естественной потребность автора или рассказчика объяснять и комментировать свой язык, ориентируясь на предполагаемого потенциального читателя. «Каждая индивидуально-авторская картина мира представляет национально-культурное видение действительности» [Там же, с. 70]. Продуктом метаязыкового сознания является метатекст, который вплетается в канву произведения и служит для решения различных задач, поставленных писателем. Конечно, каждый писатель по-разному видит и описывает действительность.

«Метаязыковая рефлексия художника слова оказывается одним из факторов, выявляющих его творческое кредо и определяющих специфику идиостиля автора» [Ростова, 2002, с. 140]. В произведениях В. Астафьева часто встречаются метатексты, очень похожие на рассуждения о своем языке обычных, рядовых носителей, представляющих традиционную крестьянскую культуру. То есть В. Астафьеву присуще обыденное метаязыковое сознание, которое предполагает описание постижения мира в каждодневной жизни человека. Обыденное сознание наделяется некоторой «беспределельностью» и «широтой», а также отмечаются его «подлинность» и «достоверность» [Шапилова, 2008, с. 417]. Это объясняется тем, что герои произведений В. Астафьева – это простые люди, которым также свойственна способность метаязыкового рефлексирования, что и выражается в метатексте.

Зачастую толкованию значения подвергаются окказионализмы, регионализмы или диалектизмы. «Появление в тексте толкований окказионализмов и диалектизмов не объясняется только объективной необходимостью, такие толкования не просто поясняют смысл употребленного слова, но и представляют одну из сторон языкового сознания индивидуального или коллективного персонажа, а также автора текста, становятся источником информации об отдельном человеке или группе людей, чьи особенности языка комментируются» [Фатина, 1998, с. 8].

Кроме указанных слов, в художественном тексте толкованию подвергаются и литературные слова, которые используются в речи персонажей и в авторской речи, но не в общепринятом значении, а в окказиональном. В произведениях В. Астафьева метатекстовые конструкции часто используются для объяснения названий предметов быта, фитонимов, зоонимов, топонимов, имен и кличек людей. При помощи метатекстовых конструкций может быть дана оценка персонажа или каких-либо реалий, выражено эмоциональное состояние героев или рассказчика. Использование метатекста в художественном тексте часто становится стилистическим приемом и получает, помимо содержательной, также эстетическую

нагрузку. В любом случае, метатекст в художественном тексте выполняет задачи, определенные автором произведения.

При написании произведения автор равняется на будущего читателя, именно для него он использует метатекстовые конструкции и объясняет возможно неясные лексемы; читатель же, в свою очередь, декодирует текст. Между писателем и читателем происходит акт коммуникации, главным звеном которой и являются, по словам Н.С. Болотновой, автор – текст – читатель [Болотнова, 1992]. Таким образом, одной из основных функций метатекста в художественном тексте является коммуникативная функция.

Коммуникативная функция.

Традиционно выделяют три разновидности коммуникативной функции: считается, что язык в первую очередь выполняет познавательную (когнитивную) или информационную функцию: выражение и объяснение идей, понятий, мыслей и сообщение их другим коммуникантам. Вторая функция, которая обычно выделяется – оценочная: выражение личных оценок и отношений, третья – аффективная: передача эмоций и чувств [Кашкин, 2000]. Рассматривая коммуникативную функцию метатекста на материале произведений В. Астафьева, мы выделяем следующие ее разновидности: семантизирующую, фатическую, аффективную и номинативно-оценочную. Необходимо отметить, что в художественном тексте часто наблюдается полифункциональность.

I. Семантизирующая функция.

Семантизирующая функция служит для разъяснения значения непонятных для читателя лексем. «Тайна значения по-прежнему существует, не теряют своей актуальности и поиски путей интерпретации значения» [Ростова, 2000, с. 115]. Толкование лексического значения слова говорящим – это способ отражения психологической структуры значения (представления о значении слова в сознании носителя языка) [Овчинникова, 1994, с. 24]. Для определения слов В. Астафьев использует различные стратегии семантизации как закономерные способы мыслительного действия, в результате которых происходит осмысление и толкование значения слова [Ростова, 2000].

Анализ метатекстовых конструкций в произведениях В. Астафьева позволяет выделить следующие стратегии семантизации.

Классифицирующая стратегия задается характером парадигматических отношений, сложившихся в языке, и реализуется в трех типовых моделях отождествления: А – это В, А называется В, А и В – одно и то же [Ростова, 2009].

А – это В. Тожественные лексические единицы занимают в структуре высказывания позицию субъекта и предиката, составляющих равноположенные величины, или субъекта и приложения. «*“Покупатели” – это представители нестроевых частей*» [Астафьев, 1990, с. 74]; «*Копытка – лесная болезнь – свалилась на скот*» [Астафьев, 1980, т. 1, с. 46].

А называют В. Конструкция отражает осознание говорящим факта неединственности именования обозначаемого.

«Там, где растут *марыны корни*, или, как их еще называют, *лесные пионы*, змеи не водятся» [Там же, с. 81].

А и В – одно и то же. Часто объясняемое слово включено в ряд синонимических однородных членов.

«Ну уж, ладно уж, – вздохнул старик, – *об мансипации собрание было, об равноправи, значит*» [Астафьев, 1990, с. 75].

Денотативно-тождественные языковые знаки характеризуются различными функциональными признаками, отраженными в метаязыковом сознании под параметрами:

– Старое – новое (по времени употребления): «Волна за лодкой бодрая двои-лась, в носу лодки, под завязку полный, хрустел, шевелился *мешок, по-ранешнему – куль*» [Астафьев, 1981, т. 4, с. 158];

– Свое – чужое (по территориальной ограниченности): «И вдруг рыбина, понявши, что в реку не уйти – не пускают, резко помчалась к берегу, рассекая воду *святым пером – так в Сибири зовут спинной плавник...*» [Астафьев, 1984, т. 4, с. 264].

2. Идентифицирующая стратегия семантизации слова «направлена на установление соответствий языкового знака отображаемой действительности (что есть что), ориентирована на предметно-отражательную сущность слова (языка), является результатом осознания отношения слова к обозначаемой действительности» [Ростова, 2009].

Семантика слова раскрывается путем использования уточнительных и пояснительных членов.

«Стали школьниками, вместе же смастерили поджиг, добрый поджиг: ствол из латунной трубки, ручки – сухая береза, окованная жестью от консервной банки» [Астафьев, 1980, т. 2, с. 397].

В данных примерах представление о предмете, действии, признаке мы получаем из непосредственного описания прототипических ситуаций, то есть «ситуаций, которые воспринимаются носителями данной культуры как самые общераспространенные и заметные» [Вежицкая, 1996, с. 337].

Необходимо отметить, что целью автора художественного текста не является точное определение значения слова, задача писателя состоит в том, чтобы читатель в общих чертах понял, о чем идет речь. Следовательно, при анализе произведений В. Астафьева мы наблюдаем стратегии семантизации лексем, присущие только художественному тексту, являющиеся его изюминкой. Особенность эта заключается главным образом в том, что при разъяснении значения слова авторы стараются не прерывать повествование длинными и несвязанными с текстом пояснениями.

Наиболее частой является **стратегия контекстуального прояснения**. Суть данной стратегии заключается в том, что непонятное слово, а чаще всего это диалектное слово, так включается в контекст, что для читателя его смысл становится прозрачным.

Слово проясняется при помощи глагола или глагольной формы.

«Тебе, Одарка, сегодня *исполнилось семь ронив*» [Астафьев, 1981, т. 4, с. 492].

Иногда, в тексте недалеко от диалектного или непонятного по смыслу слова находится литературный аналог, который и разъясняет смысл.

«...С одного из тополей – Финифатьев упорно называл это дерево *осоко-рем – спускался человек*» [Астафьев, 1997, т. 10, с. 529].

Значение слова вытекает из общего контекста.

«Бабка, выдернув вицу из веника, сечет крапиву, приговаривая: “Вот тебе! Вот тебе, змея жалючая!” – и всовывает вицу в руку мальчика» [Астафьев, 1990, с. 295]. Из контекста ясно, что вица – это прут.

Значение слова разъясняется при помощи введения его в тематический ряд.

«Большое зеркало там было с деревянными ангелочками на раме и сооружение, напоминающее *и кровать, и скамейку, и диван* одновременно, – нам пояснили – *канане!*» [Астафьев, 1981, т. 4, с. 407].

II. Фатическая функция служит для установления и поддержания контакта. Как правило, встречается в диалогах героев произведений такое, когда один метатекст выполняет разные функции, то есть он полифункционален.

– Вы когда-нибудь ели мамалыгу?

– А что это такое?

– Ну вот вы даже не знаете, что такое мамалыга, – усмешливо проговорила она и, когда Лида выпорхнула за дверь, думая о чем-то совсем другом, пояснила:

– Мамалыга – это почти каша, только из кукурузы [Астафьев, 1990, с. 50].

III. Аффективная функция служит для передачи эмоций и чувств и выражается с помощью словообразовательных средств:

«Папу моего бабушка терпеть не могла, называла трепачишкой, винила его, и не без основания, в смерти мамы, хотя известно: смерть причину всегда найдет» [Астафьев, 1981, т. 3, с. 285]. Данный пример демонстрирует отрицательные чувства героини через определение «трепачишка». Да и в самом тексте мы видим явное этому подтверждение – «терпеть не могла».

IV. Номинативно-оценочная функция показывает отношение говорящего к объекту речи и дает соответствующую оценку.

«У Тугунка очередь первая. Он и в самом деле похож на табунную, большие пальца не вырастающую, серенькую цветом, но вкусную рыбку – тугунка» [Астафьев, 1981, т. 4, с. 196]. Автор выражает свое отношение к герою через сравнение его с маленькой серенькой рыбкой.

Характеризующая функция служит для раскрытия образа и характеристики персонажа как языковой личности.

«Генка говорил “одеюсь”, вместо одеваюсь, “обуюсь” – вместо обуваюсь, “лопатина!” – вместо одежда и так далее» [Астафьев, 1981, т. 3, с. 151]. Использование просторечных и диалектных слов характеризует героя как простого, неграмотного сельского жителя Сибири.

Эстетическая функция (использование стилистических приемов). Самые часто встречающиеся стилистические приемы в произведениях В. Астафьева – это метафора и (метафорическое) сравнение. Они встречаются как в тексте в целом, так и в метатекстовых конструкциях.

Метафора. Модели метафорических переносов:

1) Сходство по форме: *«Останцев, гольцов, осыпей, срезанных ветрами скал, много на великом хребте, и почти все они называются соответственно той форме, какую дала им природа: Медведь, Чум, Трезубец, Патрон и даже бронепоезд»* [Астафьев, 1980, т. 2, с. 279];

2) Сходство по цвету: *«Ночка эта из тех собак, о которых можно слышать или читать в книжках... Была она пепельной масти, с темной припорошенностью на спине и белым фартуком на груди. За масть, видимо, и имя получила собака»* [Там же, с. 291–292]. В данном случае мы наблюдаем сходство по цвету.

Метафорическое сравнение.

«Старшенького мухой кличут – легкий он, жужливый, непоседливый» [Астафьев, 1981, т. 3, с. 155]. Метафорическое сравнение с мухой по качествам; *«А Ванюха валоват, добр, песни петь любит, но как разозлится – почернеет весь, ногами топает, руку себе кусает. Быком его дразнят»* [Там же, с. 155]. Метафорическое сравнение с быком по действиям.

Антитеза.

«Работает рыболов и в то же время следит за лодкой рыбнадзора, мощности свои учитывает, запас горючего: бачок полон, мотор новый, в лодке один, а тех, халеев-то – так по-хантыйски рыбацких разбойников зовут – в самое место – двое: рыбинспектор Семен всегда с сынишкой на поиск выходит» [Астафьев, 1981, т. 4, с. 99]. Герой рассказа называет рыбинспектора «халеем», то есть рыбацким разбойником.

Стилистическая функция. Автор зачастую объясняет стилистически маркированные слова, используя метатекст, он дает оценку употребляемому знаку с точки зрения уместности употребления его в конкретной ситуации. Со временем стилистические нормы меняются и «смена стилистических стереотипов, изменения в стилистических нормах дают сбой в работе подсознания, в работе на “автопилоте”. Переход на “ручное управление”, на уровень сознательного отбора лексик заставлял говорящего мотивировать свой выбор» [Вепрева, 2002, с. 156].

Говорящий чаще всего мотивирует выбор единицы социально ограниченного употребления отсылкой к коллективной точке зрения, «прячется» за чужую речь [Вепрева, 2002].

«И до того я сделался беспечен на охоте по птице, что пули вовсе перестал брать, если и были в патронташе один-два заряда с пулями, то лишь *для блезиру, как говорят в народе*» [Астафьев, 1980, т. 2, с. 531].

Аргументацией употребления слова может быть ссылка на языковую моду.

«Сгорел самый большой магазин города, с новым, только еще входившим в обиход названием “*универмаг*”» [Там же, с. 484].

Итак, проведенный анализ метатекстовых конструкций на материале произведений В. Астафьева позволил выделить четыре основных функции, которые выполняет метатекст в художественном тексте: 1) коммуникативная, включающая а) семантизирующую, б) фатическую, в) аффективную и г) номинативно-оценочную; 2) характеризующая; 3) эстетическая и 4) стилистическая.

Литература

- Алефиренко Н.Ф. Языковое сознание поэта: значение и смысл // Текст и языковая личность. Томск, 2007.
- Астафьев В.П. Собр. соч.: В 4 т. М., 1980–1981.
- Астафьев В.П. Собр. соч.: В 15 т. Красноярск, 1997–1998. Т. 10.
- Астафьев В.П. Звездапад. Повести. Кемерово, 1990.
- Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992.
- Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. М., 1978. Вып. 8. С. 402–421.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002.
- Гак В.Г. Речевые рефлексы с речевыми словами // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 6–10.
- Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж, 2000.
- Овчинникова И.Г. Ассоциации и высказывание. Структура и семантика. Пермь, 1994.
- Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. Томск, 2000.
- Ростова А.Н. Метатекст в идиостиле В. Астафьева // Языковая ситуация в России начала XXI века. Материалы международной научной конференции: В 2 т. Кемерово, 2002. Т. 2. С. 137–146.
- Ростова А.Н. Обыденная семантизация слов // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово, Барнаул, 2009.
- Скатт Т.Н. Метакоммуникация в диалоге: Теоретический аспект // Структуры языкового сознания. М., 1990. С. 146–158.
- Фатина Н.С. Метатекстовое толкование слова как элемент структуры художественного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998.
- Чернышева А.Ю. Метатекстовые смыслы в романах Л.Н. Толстого // Слово и мысль Л. Толстого. Казань, 1993. С. 123–132.
- Шапилова Н.И. Отражение обыденного сознания в авторской картине мира (на материале художественного дискурса В.П. Астафьева) // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика. Кемерово, Барнаул, 2008. С. 415–421.